

ЧТО ТАКОЕ ПРЕДВИДИМОСТЬ? <*>

В.А. БЕЛОВ

<*> Автор выражает благодарность Алексею Бабаеву и Михаилу Санину - коллегам, подавшим повод к написанию настоящей статьи и предоставившим для этого материал.

Белов Вадим Анатольевич, профессор кафедры коммерческого права и основ правоповедения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

В последние несколько лет в российской литературе широко обсуждается вопрос, не стоит ли внести в Гражданский кодекс РФ указание, что предметом возмещения могут быть только и исключительно предвидимые убытки. Автор настоящей статьи обращает внимание на то, что при всей широте и остроте этой дискуссии ее предмет почему-то остается неопределенным: участники дискуссии то и дело перескакивают с объективного понимания предвидимости на субъективное и обратно. В пылу спора оппоненты забывают и о таком необходимом принципе, как воздержание от умножения сущностей без необходимости, а именно о том, что понятие предвидимости в конечном счете сводится к одной из давно и хорошо известных категорий гражданского права: в объективном смысле оказывается иным обозначением причинной связи, а в субъективном - вины. Финальный вывод автора: дополнять ничего не нужно, предвидимость давным-давно заложена в ГК РФ и всегда в нем была - нужно только правильно толковать его нормы и разбираться в том, что толкуешь.

Ключевые слова: вред, убытки, убытки прямые, убытки косвенные, предвидимость убытков, причинная связь, вина.

WHAT IS FORESEEABILITY?

V.A. Belov

Belov Vadim A., Professor at the Commercial Law Department of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, LLD.

In the past couple of years, Russian literature has been increasingly focused on whether to stipulate it in the Civil Code that damages can be recovered only for foreseeable losses. The author points to continued uncertainty surrounding the matter despite the scope and intensity of discussions. Going back and forth between objective and subjective sides of perception, in the heat of debate they tend to overlook the principle of moderation in essence multiplication. At the end of the day, the notion of foreseeability comes down to one of the old-standing and well-known categories in civil law: foreseeability is another type of reference for causation on the objective side and for culpability on the subjective side. The author's final conclusion is that there is no need to amend because foreseeability has long been provided for in the Russian Civil Code. It is just a matter of correctly interpreting statutory provisions and thoroughly understanding their meaning.

Key words: injury, damages, direct damages, consequential damages, foreseeability of damages, causation, culpability.

Бывает нечто, о чем говорят: "Смотри, вот это новое";
но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Екклесиаст. 1.10

Написание настоящей статьи началось с обсуждения вопроса, который (по мере развития дискуссии) все сильнее и сильнее отрывался от своей фактической основы и в конце концов превратился в следующий, чрезвычайно абстрактный и, можно сказать, концептуальный: каков предел (или пределы), которым

(которыми) должно быть ограничено право частного лица, потерпевшего от гражданского правонарушения, на взыскание убытков?

Допустим, продавец (изготовитель) передал покупателю некачественный товар. Никто не спорит, что недостаток возник до передачи товара покупателю и не относится к разряду очевидных, что покупатель не знал и не должен был знать о нем, а также о том, что это не была продажа на условиях "как есть". В этом случае, думается, никто не станет отрицать, что покупатель имеет право рассчитывать на несколько иное развитие ситуации, а именно на то, что передаваемый ему товар будет **качественным**, т.е. не заключающим в себе никаких недостатков. Никто также, по всей видимости, не станет спорить с тем, что вопрос о судьбе такого товара и уплаченной за него цены без особых затруднений может быть разрешен по [ст. 475, 503](#) или [518](#) Гражданского кодекса (ГК) РФ (в зависимости от случая). Но и вряд ли кто-либо возразит против того мнения, что вопрос о товаре и цене - отнюдь не единственный, требующий разрешения.

В самом деле, если покупатель вправе рассчитывать на то, что с момента передачи ему товара надлежащего качества он получит возможность тем или иным образом им воспользоваться - быть может, сам станет эксплуатировать его согласно назначению или, например, перепродает его, - однако получает товар ненадлежащего качества, то его вполне основательные ожидания и расчеты не оправдываются. Он оказывается вынужден тратить то время, которое рассчитывал посвятить эксплуатации или перепродаже товара, на переписку, препирательства, а может быть, и разбирательства (претензионные, судебные или арбитражные) с продавцом (изготовителем) товара. Время идет, а ожидаемых благ из эксплуатации товара в ходе своей обычной, нормальной, повседневной деятельности извлечь все не получается; возможно, и саму деятельность покупатель вынужден приостановить - и все из-за некачественного товара! Заводу, который получил некачественное сырье или детали, в течение некоторого времени становится нечем загрузить оборудование и станки - оборудование ломается, станки простаивают, работники уходят в вынужденные отпуска, теряют заработную плату, а потом выходят на митинг стучать касками по площади перед проходной завода; автобаза, получившая некачественные автомобили, на время их ремонта вынуждена либо снижать объемы осуществляемых ею перевозок, либо вовсе приостанавливать таковые; розничное торговое предприятие, которое поставщик "осчастливил" испорченными продуктами питания, вынуждено принимать их обратно от возмущенного населения, возвращать покупателям деньги, да еще и расхлебывать ряд других неприятностей, доставляемых [Законом](#) о защите прав потребителей <1>. Убытки? Да, безусловно. И вот, наконец, кристаллизовавшийся вопрос: подлежат ли **такие убытки** возмещению? А если подлежат, то **на каком основании** и где **предел** их возмещения?

<1> [Закон](#) РФ от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей".

Последний аспект вопроса замечательно иллюстрируется несколькими арбитражными делами. Так, [Постановлением](#) АС Центрального округа от 09.11.2016 по делу N А14-6792/2014 с продавца неисправного автомобиля была взыскана упущенная выгода, определенная как не полученный истцом доход от договора оказания услуг, который покупатель предполагал исполнять с использованием того самого автомобиля, который имел несчастье оказаться некачественным; Верховный Суд РФ (Определение от 28.02.2017) оставил это решение в силе. [Постановлением](#) АС Уральского округа от 12.12.2017 по делу N А76-30976/2014 с продавца некачественного автобуса стоимостью 5,2 млн руб. была взыскана упущенная выгода в размере 5,6 млн руб., рассчитанная как доход за один (будущий) год эксплуатации автобуса. Надо сказать, что это решение так раззадорило аппетиты истца, что тот обратился с новым требованием - о взыскании еще 21,4 млн руб. за следующие два года эксплуатации того же (!) автобуса; тут уже суд несколько смутился от такого требования и в его удовлетворении отказал ([Постановление](#) АС Уральского округа от 06.07.2018 по делу N А76-27578/2017). Отказать-то отказал, но по совершенно "левым" - процессуальным - основаниям; иными словами, той принципиальной материально-правовой грани, за которую требования о взыскании убытков простирались не должны, суд нащупать так и не сумел.

Тот же самый вопрос, притом в еще более ярком виде, проявляет себя и в сфере внедоговорных убытков. К одинокому щегольски одетому господину в парке пристали хулиганы: самого господина побили, одежду испортили, бывший при нем портфель отобрали, находившиеся в нем документы испортили; в довершение всего и хулиганы, и сам господин были задержаны полицией и вынуждены потратить несколько часов на разного рода объяснения и процедуры. К несчастью для хулиганов и государства - Российской Федерации (ведь именно ее именем действуют наши полицейские), господин оказался адвокатом, спешившим на многомиллиардный судебный процесс; разумеется, на процесс он не попал, вследствие чего его доверитель дело проиграл, а адвокат лишился возможности получить причитавшийся ему по договору гонорар. И если с убытками от побоев, морального вреда, порчи одежды и портфеля вопросов нет, то с

убытками в виде стоимости уничтоженных документов (которая явно выше, чем их стоимость как обыкновенных бумажек), сумм проигранного дела и неполученного гонорара ситуация далеко не однозначна: должны ли хулиганы и Российская Федерация возместить адвокату и его доверителю **такие** убытки?

Статья 15 ГК РФ начинается так: "Лицо, **право которого нарушено** (здесь и далее в цитатах выделено нами. - В.Б.)..." Стоп. Вопрос первый: следует ли во всем вышеописанном видеть нарушение какого-либо **субъективного права** и если да, то какого? Права на получение товара, соответствующего требованиям договора к его качеству, - да, конечно, но оно защищается специальными правовыми средствами, о которых мы уже написали. А вот существует ли какое-нибудь "право на осуществление обычной хозяйственной деятельности" - право, реализация которого оказывается вследствие обнаружившегося недостатка товара затрудненной или даже невозможной? Право на деятельность, осуществление которой необходимо предполагает использование приобретенного товара? Или - если говорить о случае с адвокатом - право на соблюдение и поддержание нормальных условий повседневной (общегражданской, человеческой) жизни и профессиональной (в нашем примере - адвокатской) деятельности? Если мы отвечаем на этот вопрос **положительно**, то, несомненно, открываем возможность для обсуждения вопроса о взыскании подобных убытков.

Что будет, если мы ответим на этот вопрос **отрицательно**? Если мы скажем, что никакого права "на нормальный ход общегражданской жизни и профессиональной деятельности" ни у кого нет, а если и есть, то предоставляется и обеспечивается отнюдь не хулиганами и уж конечно не продавцом при продаже товара? Означает ли такой ответ, что мы закрываем для себя возможность обсуждения вопроса о взыскании убытков, возникших от остановки или замедления повседневной или профессиональной деятельности? что нормальная повседневная жизнь и профессиональная деятельность - это зона рисков и ответственности того самого субъекта, о жизни и деятельности которого мы говорим (он должен как-то подстраховываться на подобные случаи, стелить себе, так сказать, соломку - держать у себя неприкосновенный запас сырья и материалов, подменный фонд автомобилей, запас заведомо годных продуктов; должен обеспечивать себе заместителя на случай, если самому не получится явиться на процесс, или заботиться о том, чтобы определять иные условия назначения гонорара и т.п.)? Как ни странно - нет, и в этом случае возможности обсуждения такого вопроса мы тоже не закрываем. Почему? Ведь **п. 1 ст. 15** ГК РФ, казалось бы, вполне ясно говорит только и исключительно о **нарушении права** как основании возникновения требования о возмещении убытков.

Нужно вспомнить, что требование о возмещении убытков (как и всякое вообще требование, как и любое субъективное право) представляет собой **правовое средство удовлетворения законного интереса**. Нарушение субъективного права - это лишь одно из многих возможных, но **далеко не единственное** основание возникновения такого интереса.

Почему? Потому что далеко не все фактические общественные отношения облекаются в форму субъективных прав - одни из них облекаются в иные правовые формы (например, правоспособности, секундарных прав, правовых рефлексов, охраняемых законом интересов), а другие в правовые формы и вовсе не облекаются, а **охраняются законом непосредственно как элементы объективного правопорядка**. То, что к числу таких элементов правопорядка относятся помимо прочих **обычные (нормальные для данной местности и данного времени, повседневные) условия законной (!) профессиональной деятельности** и тем паче **общегражданской жизни**, нам представляется очевидным.

Следовательно, не только невозможность (трудность) обнаружения нарушенного субъективного права, но даже заведомое отсутствие такового само по себе еще не исключает возможности взыскания убытков, вызванных противоправными действиями, - вполне достаточно, чтобы предметом нарушения (умаления) стали какие-то другие правовые формы или, на худой конец, непосредственно охраняемые законом элементы правопорядка.

Характеристику "противоправный" не надо толковать узко, как идущую против только лишь субъективного права - нет! "Противоправный" - значит "идущий против любых правовых форм", в частности против непосредственно охраняемых законом элементов правопорядка.

Хорошо, допустим, согласятся читатели, но ведь **п. 1 ст. 15** ГК РФ ясно говорит о нарушении одного только **права**. Ни о каких иных правовых формах и уж тем более об элементах правопорядка, охраняемых законом без облечения в форму субъективного права, там речи нет. Что тут можно сказать? Пожалуй, только одно - напомнить, что слово "право" **многозначно** и зачастую употребляется для обозначения **куда более широкого круга явлений**, чем одни только субъективные права <2>. Именно этот случай словоупотребления мы и имеем в ст. 15 Кодекса. И это не единственный случай подобного (широкого) законодательного

употребления слова "право" - достаточно вспомнить знаменитую [ст. 10](#) ГК РФ: она ведь вроде бы тоже говорит о злоупотреблении одними только субъективными правами, но на деле применяется к злоупотреблению чем угодно, от элементов правоспособности (дела о злоупотреблении "правом на заключение сделки") до чисто фактических возможностей (принадлежащих, например, обладателю контрольного пакета акций или лицу, занимающему доминирующее положение на рынке).

<2> Точно такую же судьбу, кстати, имеет и "правоотношение" - термин, обозначающий понятие, родственное субъективному праву. Почитать нашу литературу (особенно не по цивилистике, а по теории права) - создается впечатление, что кругом нас одни только правоотношения, что плюнуть, извините, некуда, чтобы не попасть в правоотношение. Начинаешь разбираться, и выясняется, что отнюдь не все то, что кажется (и называется) правоотношениями, в действительности таковыми является.

Содержащееся в [п. 1 ст. 15](#) ГК РФ указание на "нарушение права" не следует понимать буквально: дело не в нарушении субъективного права, а **в противоправном умалении имущественной сферы частного лица**.

Чем определяется противоправность? Нарушением либо субъективного права, либо иной поведенческой возможности, либо, наконец, нормы закона, иного нормативного правового акта, договора или обычая - словом, норм тех источников, которые определяют среди прочего состав непосредственно охраняемых ими элементов правового порядка <3>.

<3> Судя по нашей современной практике, деяние может быть просто несимпатичным конкретному судье - все то, что будет умалено в результате совершения такого деяния, также будет подлежать возмещению.

Итак, с "правом, которое нарушено", мы, кажется, разобрались: отсутствие такого права в собственном, субъективном смысле само по себе **не исключает возможности взыскания убытков, причиненных одним лицом другому**. Но если это так, то тем важнее становится вопрос, сформулированный в начале настоящей статьи: где предел возможного взыскания убытков? Если им не является даже нарушение субъективного права, то что же тогда?

В последние годы в нашей литературе стабильно, с завидной регулярностью стал всплывать вопрос о **предвидимости убытков** как о том самом горизонте, до достижения которого имеется возможность говорить об их возмещении. В наших примерах: если продавец (изготовитель) знал о характере деятельности клиента и понимал, что передача ему товара с известными недостатками должна будет привести к ее остановке или затруднению, вызвав определенные убытки, то он должен за эти самые убытки отвечать; если не знал и (или) не понимал - то, соответственно, и не должен. Если наши хулиганы (и полицейские) знали о том, что своими незаконными действиями ставят под угрозу исход судебного процесса и шансы на получение адвокатом определенного гонорара, то они должны ответить не только за синяки и ссадины, но и за такие не всегда, не всякий раз и не у всех возникающие (условно - за необычные, экстраординарные) убытки; ну а если не знали - так и отвечать тут, кроме как за легкий вред здоровью, имуществу и психические переживания, больше не за что. Вот она, **предвидимость** - критерий для ограничения размера гражданско-правовой ответственности, на первый взгляд, вполне справедливый и адекватный. Почему же в таком случае он до сих пор не "сидит" в Гражданском кодексе, несмотря на всю эту кажущуюся справедливость и адекватность? В особенности, если принять во внимание то, что такой критерий уже давно известен и национальным законодательствам (примерами обычно называют [ст. 1150](#) и [1151](#) ГК Франции в их изначальном, классическом варианте и [ст. 254](#) Германского гражданского уложения), и даже ряду международных актов (тут в качестве примера обычно приводят [ст. 74](#) Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980) <4>.

<4> Типичный пример публикации такого рода: Короткова В.А. [Предвидимость договорных убытков](#) // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. N 1. С. 113 - 150. В списке литературы к настоящей статье мы укажем также некоторые другие публикации, обратившие на себя наше внимание при ее подготовке.

Чтобы разобраться, наконец, с этим вопросом и сделать это профессионально и удобно, предварительно введем два новых, не встречавшихся нам пока обозначения. Выше, рассматривая примеры

ситуаций, выводящих нас на вопрос о предвидимости убытков, мы противопоставляли друг другу **два типа убытков**.

Убытки первого типа - это убытки, **необходимо** вызываемые правонарушением и потому для всякого разумного лица **очевидные**. Такие убытки **возникают от нарушения соответствующего типа всегда**: так, всякий покупатель, который заплатил деньги, но получил некачественный товар, безусловно и неизбежно несет убытки в размере полной стоимости этого товара или же размере, на которую понизилась его стоимость, точно так же как и всякое избиение хулиганами причиняет вред здоровью, имуществу и душевному спокойствию потерпевшего. И если вдруг в каком-то одном случае такие убытки почему-либо не возникают, это рассматривается как нечто почти невероятное, как некая случайность или совершеннейшее чудо. Как назвать такие убытки? Существу их описания наиболее отвечал бы термин "**типичные** (или **типические**)" убытки, но исторически так сложилось, что их стали называть **прямыми**. Именно этот термин мы станем использовать в дальнейшем.

И по терминологии, и по сути очевидно, что убыткам типичным **дóлжно** противопоставить убытки **нетипичные (атипичные)** - убытки, **обычно** правонарушением данного рода не причиняемые, но **в данной конкретной ситуации** все-таки (из-за каких-то ее особенностей) возникшие. Такие убытки в праве принято именовать **косвенными**.

Что за критерий лежит в основании этой классификации? Еще раз перечислим характеристики их типов: **прямые** вызываются правонарушением **необходимо**, т.е. предопределяются только и исключительно **самым фактом правонарушения и его существом**, но не обстоятельствами, в которых оно совершается; **косвенные** - наоборот, не столько существом правонарушения, сколько **особенными обстоятельствами его совершения**. Стало быть, критерием разделения убытков на прямые и косвенные выступает **характер причинной связи убытков с причинившим их деянием**: убытки, вызванные **необходимой** причинно-следственной связью, будут прямыми, **случайной** - косвенными. На выявленный нами критерий указывают еще два других наименования прямых и косвенных убытков, также иногда встречающиеся в нашей литературе, - убытки **ближайшие** (прямые) и **отдаленные** (косвенные). Убытки **ближайшие** примыкают к причинившему их деянию **непосредственно**, а **отдаленные** - **опосредованно**, через какое-то количество посторонних, приводящих звеньев - тех самых особенных обстоятельств данного конкретного случая, благодаря которым они (обычно не возникающие) в данной конкретной ситуации все-таки возникли.

Ну а в чем же смысл такой классификации? На ответ как раз и наталкивает только что приведенная характеристика **прямых** убытков как состоящих в **непосредственной** причинной связи с причинившим их деянием, а **косвенных** - как находящихся с ним в связи **опосредованной**, или, строго говоря, в связи **разорванной, прерванной**, т.е. как убытков, не причиненных, а лишь спровоцированных правонарушением, но в конечном счете возникших в силу совсем других, случайно приводящих в ситуацию, обстоятельств.

Если пострадавшее лицо вправе требовать возмещения убытков, **причиненных правонарушением** (а именно об этом говорит, в частности, **п. 1 ст. 15 ГК РФ**), то смысл разделения убытков на прямые и косвенные становится очевидным: оно как раз и призвано **очертить ту грань, за которой убытки перестают подлежать возмещению**. Прямые убытки - как **причиненные непосредственно правонарушением** - возмещаются; косвенные - как **спровоцированные правонарушением, но не причиненные им** (не состоящие с ним в **непосредственной** связи) - нет.

Литература - и художественная, и специальная - преисполнена примерами, замечательно иллюстрирующими разницу между прямыми и косвенными убытками. Наш любимый - эпизод из "Денискиных рассказов" В.Ю. Драгунского <5>, когда Дениска, не желающий есть манную кашу, тайком от мамы выбрасывает ее в окно. Каша попадает на прохожего, как нарочно, одетого в безумно дорогой костюм (прохожий шел фотографироваться для какого-то торжественного случая, а в то время, когда происходило действие рассказа, это было целое событие). Порча **обычной** для данной местности и данного времени (года, суток), **среднестатистической** (!) одежды и разумная компенсация морального вреда - вот и все **прямые** для этой ситуации убытки, т.е. убытки, **с необходимостью** возникающие в случаях данного рода **всегда** и вызываемые **непосредственно и неизбежно** таким действием, как неосторожное выбрасывание каши в окно. Если их в каком-то конкретном случае не возникло (каша не попала на прохожего), то и слава богу - повезло! Но вот убытки от порчи **дорогого** костюма и от **срыва запланированной фотосессии** (мероприятия для того времени экстраординарного) будут убытками **косвенными**, ибо (в обычных условиях) далеко не каждый гражданин спешит фотографироваться и носит дорогие костюмы. Они возмещению подлежать не будут. Можно, разумеется, и несколько видоизменить ситуацию: давайте представим, например, что окна Денискиной квартиры располагались как раз над входом в фотоателье (фотостудию),

куда ежедневно заходит множество посетителей, желающих сфотографироваться, и притом непременно в дорогих костюмах.

<5> Он, кстати, прекрасно может быть использован и для разрешения нашего примера с адвокатом.

Менее известную, но тоже очень яркую иллюстрацию, помогающую постичь существо понятий о прямых (закономерных) и косвенных (случайных) убытках, находим в романе В.С. Пикуля "Честь имею". Цитируем: "...я частенько вспоминаю знаменитого бильярдного игрока Рейхардта, известного своим мастерством во всех столицах мира; когда-то, играя на деньги, он гастролировал и в клубах Петербурга. С ним произошло как раз такое, когда судьба явила ему игру волшебного рока. Это случилось в Париже; однажды вечером, почти накануне его свадьбы, Рейхардт сидел дома. Машинально поставил шар на поле бильярда и крепким ударом направил его в лузу. Но удар был настолько силен, что шар, отразившись от борта, вылетел в открытое окно на улицу. Он упал на стеклянную крышу оранжереи соседнего дома, пробил ее и попал в комнату чужой квартиры, расколов при этом драгоценную севскую вазу, за которой завтра должны были прийти, чтобы забрать ее в музей Лувра. Звон и грохот испугали беременную кошку, которая сладко дремала в корзине возле этой вазы. Выпрыгнув из корзины, эта бестия уронила лампу, отчего в доме возник пожар. Невеста Рейхардта была как раз дочерью владелицы этого дома. Пожилая женщина, увидев пламя, тут же скончалась от разрыва сердца. После чего, когда дом догорел, невеста отказала Рейхардту в своей руке и своем сердце. Сцепление роковых обстоятельств, очевидно, всегда будет иметь влияние на судьбу человека...". Весь **прямой** убыток в данной ситуации исчерпывается одним только пробитым бильярдным шаром стеклом оранжереи <6>; все остальное - убыток **косвенный**, незадачливым игроком не возмещаемый.

<6> Хотя и он в данном случае тоже не будет подлежать возмещению; поскольку причина, по которой это произойдет, для настоящей статьи интереса не представляет, мы этот вопрос далее не обсуждаем.

В специальной (гражданско-правовой) литературе прекрасный пример разделения убытков на прямые и косвенные привел М.М. Агарков, предложивший вниманию юридической общественности следующий казус: "Одно лицо в шутку легко ударило другое ладонью по лбу. У потерпевшего была ненормальная хрупкость костей, которая до того не обнаруживалась, и на черепе образовалась трещина" <7>, т.е. здоровью потерпевшего был причинен **тяжкий вред**. Отвечает ли за него "шутник"? М.М. Агарков ответил на этот вопрос отрицательно, указав, что в приведенном примере причинная связь между правонарушением (действием) и его вредоносными последствиями **не является типичной**. От легкого шлепка ладонью по лбу черепа обычно ни у кого не трескаются, и, уж естественно, от этого никто не умирает. Коль так, то нет и достаточных оснований возлагать ущерб на причинителя вреда. Иными словами, тяжкий вред, причиненный здоровью потерпевшего, в данном случае составляет **косвенный** (не подлежащий возмещению) убыток. При этом вопрос о типичном или нетипичном характере причинной связи ученый предлагал решать исходя из того, "поддается ли [эта связь] в данном конкретном случае **учету с точки зрения нормального жизненного опыта**" <8> или, иначе, "принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным связям, **с которыми приходится считаться на практике**" <9>. Отрицательный ответ на поставленные вопросы - "нет, не поддается" и "нет, не принадлежит" - означает **отсутствие причинной связи между противоправным действием и вредом**, т.е. то, что **вред возник не вследствие противоправного действия, а по какой-то другой причине**. Такой - **косвенный** - вред возмещению не подлежит.

<7> Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 326; тот же пример см.: Гражданское право: Учебник / Под ред. Я.Ф. Миколенко. Т. 2. М., 1938. С. 396.

<8> Гражданское право: Учебник / Под ред. Я.Ф. Миколенко. Т. 2. М., 1938. С. 396.

<9> Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 326.

Но это все - примеры ситуаций с вредом внедоговорным. А что же наши случаи с поставкой некачественного товара? Общее для всех них решение выглядит так: подлежит возмещению весь тот ущерб, который связан с нарушением обязательства **необходимо** и **непосредственно**. Это означает, что надо смотреть, во-первых, на ту **норму доходности**, которую в **аналогичных условиях обыкновенно** приносит **обычная** эксплуатация вещи **того же рода и вида**, что и некачественная, **в соответствии с ее**

назначением, и, во-вторых, на те **затраты**, которые **обыкновенно** покупатель **данного рода и вида в обычных стандартных обстоятельствах** оказывается вынужден понести для того, чтобы преодолеть или нивелировать последствия обнаруженного в проданной ему вещи недостатка. Убыток в размере какого-нибудь сверхдохода, который **теоретически** мог бы образоваться, если бы покупатель сдал купленную вещь в аренду какому-нибудь Рокфеллеру или Вандербильту, безусловно вызывается не правонарушением, а особенностями тех конкретных обстоятельств, в которых находится **данный конкретный** покупатель некачественной вещи, **непосредственно** к правонарушению данного рода и вида не примыкает и, следовательно, возмещению не подлежит. Ну а если (чуть разовьем ситуацию) продавец (изготовитель), уведомленный покупателем об обнаруженном в проданной вещи недостатке, без промедления заменит эту вещь либо предоставит вещь, ее заменяющую на время устранения недостатков, то тем самым он сделает чисто теоретическими не только косвенные, но и прямые убытки - он попросту **предотвратит самое их возникновение**. Если бы (в названных выше делах АС Уральского округа) поставщик некачественного автобуса оперативно предоставил бы потерпевшему на время ремонта некий подменный аналогичный автобус, он предотвратил бы не только возникновение того юридического ужаса, который имел место в этих делах, но и сделал бы практически безосновательными притязания покупателя даже на прямые убытки <10>.

<10> Мы говорим "практически безосновательными", потому что некоторые убытки покупатель все равно бы понес - доходы, не полученные в течение того времени, пока производилась замена автобуса, и расходы, понесенные им сперва в связи с такой заменой, а затем в связи с обратным получением автобуса купленного и отремонтированного и возвратом автобуса подменного.

Итак, разграничение **прямых** и **косвенных** убытков, проведенное по критерию **характера** (а по сути, даже и самого **наличия**) **причинно-следственной связи** между противоправным действием и вредом, и есть та самая грань, которая определяет, подлежит ли тот или иной убыток возмещению или нет. Находит ли эта точка зрения какое-нибудь подтверждение в нашем законодательстве или все это чисто умозрительные рассуждения? Да, находит: как мы уже указывали, **п. 1 ст. 15** ГК РФ, рассуждая об убытках, подлежащих возмещению, называет их **причиненными**, не уточняя при этом, чем (каким действием или событием); однако поскольку в соответствующей "формуле" (п. 1 ст. 15) ни о какой другой причине, кроме как о нарушении права (точнее, противоправном деянии), упоминания не содержится, то никто никогда и не сомневался в том, что речь идет об убытках, **причиненных именно таким деянием**.

Теперь подумаем вот над каким вопросом: что же означает характеристика убытков как **причиненных** в смысле их **непосредственной связи** с противоправным деянием и причиняемых **необходимо (неизбежно) во всяких случаях данного рода и вида**? Ни много ни мало как их **предсказуемость** или... **предвидимость**! Да-да - ровно ту самую предвидимость, ради "поимки" которой мы и расставляли силки настоящей статьи. Притом предсказуемость или предвидимость кем? Всяким и каждым **нормальным (средним) человеком** или (в зависимости от случая) **обыкновенным коммерсантом** стандартного жизненного или профессионального опыта. Всякий - доведись ему быть участником ситуации соответствующего рода и вида - мог бы категорично и практически безошибочно сказать, какие именно последствия повлечет то или иное деяние. Самый простой, элементарный пример из общегражданской повседневной жизни: всякий знает, что если, к примеру, выпустить книгу, поднятую над столом, из руки, то книга непременно (необходимо и неизбежно) упадет на стол. Такого, чтобы книга зависла в воздухе, взмыла бы вверх или вылетела в окно, в обыкновенной типической жизненной ситуации не бывает и не может быть. Иными словами, всякий нормальный (обладающий даже самым минимальным жизненным опытом) человек в состоянии безошибочно **предвидеть** те последствия, которые будет иметь действие в приведенном примере. Благодаря чему же возникает у всякого и каждого среднего человека подобная способность? Благодаря тому представлению о причинно-следственной организации физического мира, которое (согласно опыту) является истинным. Конечно, книга может и не упасть на стол, если она подвешена, например, к потолку на тонкой леске или удерживается нагнетаемым под нее потоком воздуха, но, во-первых, подобное развитие событий настолько маловероятно, что им можно пренебречь, а во-вторых, это будут уже совсем другие обстоятельства. Знания, опыт и интуиция среднего человека подскажут ему, какие еще факторы (помимо действия силы тяжести) надо принять во внимание для того, чтобы предвидеть последствия выпущения книги из руки в **таких** (экзотических) случаях - массу книги, прочность лески, площадь поверхности книги, силу потока воздуха и т.д.

Все то же самое в полной мере применимо и к нашим юридическим примерам. О том, что каша, неосторожно выброшенная из окна, способна попасть в прохожего, испугав его, испачкав ему руки и лицо, а также испортив как минимум одежду и настроение, знает (ну или догадывается, т.е. должен знать) **всякий и каждый адекватный человек** (не исключая 6-летнего мальчика Дениску); но вот о том, что каша может

попасть не в абы кого, а в празднично одетого клиента фотостудии или адвоката, знает уже далеко не всякий и не каждый <11>. Здесь кашу надо выбрасывать либо **специально целясь** в обладателя дорогого костюма или адвоката (а это уже будет совсем другой случай), либо (как мы уже говорили выше) **несколько изменить обстоятельства дела** (окна Денискиной квартиры находились как раз над входом в фотостудию). Или сочинить новую историю: о том, что кашу выбрасывал не Дениска, а английский мальчик Джек из окна, выходящего на Carew Street - улочку, располагающуюся на задворках королевского Суда справедливости в Лондоне, по которой не ходит никто, кроме адвокатов. Родителям такого мальчика придется, видимо, специально позаботиться о том, чтобы исключить всякого рода случайности, связанные с выпадением чего бы то ни было из их окон, иначе масштабы проблем могут оказаться самыми непредсказуемыми.

<11> Можно, конечно, предложить всем согражданам руководствоваться **наивысшим** стандартом аккуратности и добросовестности: так, выбрасывая кашу из окна, надо предполагать, что как раз в этот момент под окном будут проходить наиболее роскошно и дорого одетые щеголи всего мира; избивая и оскорбляя мажора - предполагать, что тот не кто иной, как адвокат, опаздывающий на многомиллиардный процесс мирового значения; отгружая некачественный товар - что от его эксплуатации будет зависеть благосостояние целой нации, и т.п. Но, во-первых, такой стандарт не может быть предметом предположения - его необходимо ввести в действие положительно и прямо выраженным предписанием закона, а во-вторых, даже будучи узаконенным, он вряд ли найдет реальное применение, ибо простой жизненный и профессиональный опыт всякий раз будут нашептывать своим носителям: не переживайте, не все так страшно! Английская королева под Денискиным окном никогда не окажется, через Измайловский парк адвокаты обыкновенно не пробегают, а от бутылки прокисшего кефира мир явно не обрушится.

О том, что легкий удар ладонью по лбу в обыкновенных стандартных условиях способен привести к образованию трещины на черепе, думается, не подозревает никто; больше того, выдвини мы противоположный тезис, на него, несомненно, обрушится шквал критики из серии "Да с чего вы это взяли?!" и "Да где вы такое видели?!". Почему? Потому что такой ответ подсказывает нормальный жизненный опыт и обыденные представления об устройстве черепа: недаром же лобная кость считается одной из самых прочных в организме вообще, а в черепе - так и вовсе самой прочной; ее не то что легким шлепком - ударом кулака не всякий сумеет проломить. И если несмотря на это трещина в черепе от легкого шлепка все же образуется, то такое развитие событий является атипичным, не находится в причинно-следственной связи с действием (шлепком) и, стало быть, оказывается **непредвидимым**. Конечно, и здесь обстоятельства можно изменить, допустив, например, что шутник **знал** об аномальной хрупкости костей черепа потерпевшего и совершил свой поступок, имея в виду как раз это обстоятельство и даже на него рассчитывая. Но в таком случае мы будем обсуждать совсем иную причинно-следственную связь: вопрос о том, не влечет ли **в обычных стандартных условиях** шлепок ладонью по лбу образования трещины в черепе, нам потребуется заменить совсем другим вопросом: не влечет ли шлепок ладонью по лбу образования трещины в черепе **у лица, страдающего аномальной хрупкостью костей?** Обычные обстоятельства заменяются иными (необычными), и если применительно к первым мы давали отрицательный ответ на поставленный вопрос, то во втором случае мы не можем дать иного ответа, чем положительный. Убытки в первом случае являются нетипичными (**нормальным средним человеком непредвидимыми**) и, следовательно, возмещению не подлежат; во втором - напротив, типичными, **предвидимыми всяким и каждым**, а значит, подлежащими возмещению.

Все то же самое следует приложить к нашим примерам с продавцами некачественных вещей; единственное, что нужно будет поменять, - меру предвидимости: точку зрения обычного среднего человека (обывателя) на меру надлежащей заботливости обыкновенного коммерсанта.

Вред и убытки, возникновение которых у своего контрагента **способен предвидеть всякий и каждый коммерсант**, суть **прямые, предвидимые и возмещению подлежащие**; вред и убытки, предвидение которых возможно лишь в каких-то особенных, исключительных обстоятельствах, являются **косвенными, непредвидимыми** и, стало быть, **не подлежащими возмещению**, если только эти самые особые обстоятельства не будут налицо <12>.

<12> Например, если не выяснится, что покупатель специально предупреждал своего контрагента о риске возникновения у него подобных убытков или сообщил ему о характере планируемой эксплуатации покупаемой вещи, а опыт всякого среднего коммерсанта таков, что позволяет (и без особого о том прямого

предупреждения) предсказать весь тот негатив, который может повлечь за собой ее дефект именно в связи с такой деятельностью.

Таким образом, что же получается? А получается следующее: убытки, которые вызываются тем или иным деянием **необходимо** или хотя бы **обыкновенно** (в большинстве случаев), или убытки, **непосредственно** примыкающие к деянию, являются убытками, которые могут быть **предвидимы всяким и каждым**. Иными словами, понятия об убытках **прямых и предвидимых** являются совпадающими, а термины синонимичными, точно так же как понятия об убытках **косвенных и непредвидимых** и их терминологические обозначения. Можно сказать, что возмещению подлежат только **прямые** убытки, а можно - что только **предвидимые** (в рассмотренном здесь причинно-следственном смысле), эти высказывания будут равнозначны. Можно сказать, что не подлежат возмещению убытки **косвенные**, а можно - что **непредвидимые** (опять-таки с точки зрения объективной, с позиции среднего человека или обыкновенного коммерсанта), и в этих высказываниях не будет никакой разницы. Можно сказать, что той гранью, за которой убытки перестают возмещаться (и до которой они еще возмещаются), является их **причинно-следственная связь** с противоправным деянием, а можно - что такой гранью является их **предвидимость** с позиции кантовского стороннего наблюдателя, - и то, и другое высказывание будет правильным. Предвидимость последствий нарушения - это отнюдь не "один из важнейших аспектов понятия причинной связи", как считает В.В. Витрянский <13>, а лишь иное терминологическое обозначение понятия об этой самой связи.

КонсультантПлюс: примечание.

Монография М.И. Брагинского, В.В. Витрянского "Договорное право. Общие положения" (книга 1) включена в информационный банк согласно публикации - Статут, 2001 (3-е издание, стереотипное).

<13> См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. М., 2007. С. 723.

Выходит, что наши рассуждения привели нас к двум парадоксальным выводам:

1) предел возмещения убытков давным-давно определен и всем российским цивилистам прекрасно известен - это **причинно-следственная связь** убытков с противоправным деянием;

2) предписаний о **предвидимости** убытков как особом критерии решения вопроса об их возмещении в ГК РФ помещать не нужно - они в нем и без того уже "сидят" (в той части **п. 1 ст. 15**, которая называет убытки, подлежащие возмещению, **причиненными**). Зачем писать об одном и том же два раза?

Ну или можно сказать об одном, но абстрактном глобальном выводе: отсутствие в законе **слова** не означает отсутствия **понятия**. То, что **ГК РФ** не содержит **фразы** вроде "подлежат возмещению **только предвидимые** убытки", вовсе не означает необходимости возмещения всех убытков, в том числе непредвидимых.

В заключение - буквально два слова о типичных ошибках наших современных "знатоков права", обмусоливающих рассматриваемую проблематику. Таковых существует три.

Ошибка первая: в большинстве своем наши современники, к сожалению, не учитывают того, что и **ГК РФ**, и все остальные законодательства, равно как и международные конвенции, говоря об убытках **причиненных**, всегда имеют в виду **только и исключительно прямые убытки**. Норм о возмещении косвенных убытков нет не только в ГК РФ, но и вообще нигде, ни в одном законодательстве мира; подозреваем, что никогда и не было.

Преклонение наших цивилистов перед **словами** и неумение разглядеть за словами обозначаемые ими **понятия** достигло какого-то совершенно фантазмагорического уровня: в то время как необходимость **причинно-следственной связи** противоправного деяния с убытками (как и недопустимость возмещения **случайно** возникших убытков иначе, как в случаях, предусмотренных законом) признается безоговорочно всеми, а вот постановка знака равенства между понятиями убытков **причиненных** и **прямых**, с одной стороны, и **случайных** и **косвенных** - с другой, вызывает всеобщие непреодолимые затруднения.

Почему? А потому, что в законе нет таких **слов** - стало быть, и сама классификация убытков на прямые и косвенные есть штука чисто доктринальная, Гражданскому **кодексу** неизвестная. Хорошо хоть, что

постепенно перестали отождествлять **прямые убытки с реальным ущербом**, а **косвенные - с упущенной выгодой** (в 1990-е гг. встречались и такие публикации).

Вторая ошибка подобна первой: не видя за деревьями (словами) леса (понятий), наши современники категорически не хотят понимать того, что **причиненные** или **прямые** убытки (т.е. убытки, подлежащие возмещению по **ГК РФ**, всем другим законодательствам и судебной практике) - это то же самое, что и убытки **предвидимые**. Вместо признания этого само собой разумеющегося обстоятельства правоведы пытаются проводить разграничение данных понятий <14> и, разумеется, рассказывают о том, что предвидимость - это некое "новое слово" в науке, совсем неизвестное закону, в котором его надо (или, наоборот, не надо <15>) закрепить, и т.д.

<14> Обзор таких попыток и собственный вклад автора в них см.: Короткова В.А. [Указ. соч.](#) С. 142 - 146.

<15> Позиция В.А. Коротковой (устарела, дескать, предвидимость-то!).

И третья, вероятно, главная ошибка, о которой стоит поговорить чуть подробнее. Рассуждая о предвидимости убытков, наши современные доморощенные Папинианы еще ни разу (!) не заметили того, что рассуждают они... **не всегда об одном и том же**. Незаметно даже сами для себя они перескакивают с одного понимания предвидимости на другое, а именно с **конкретно-субъективного** на **абстрактно-объективное** и обратно. Типичный пример подобного перепрыгивания представляет собой статья В.А. Коротковой, являющаяся в то же время одним из немногих исключений, в котором оно замечается и автора смущает, заставляя искать ему какое-то объяснение. "Допустим, - приводит она пример, - А является собственником трактора. А заключил договор купли-продажи трактора с В. **А предполагает, что если он не исполнит договор**" <16> - и т.д. Дальше можно не продолжать, ибо дело не в том, что предполагает и чего не предполагает **А - данное конкретное** частное лицо - контрагент **данного конкретного** договора, заключенного в **данной конкретной** ситуации, - не этим определяется предвидимость! Вопрос о предвидимости, сформулированный подобным (субъективным) образом, превращенный в вопрос об отношении конкретного лица к последствиям своего конкретного деяния, тоже начисто растворяется, но только не в проблематике **причинно-следственной связи** (как должно было бы быть), а в вопросе о **вине**.

<16> Короткова В.А. [Указ. соч.](#) С. 136, 144.

Вопрос же о предвидимости - это, как мы уже знаем, вопрос о том, способен ли предвидеть убытки **данного рода и вида** в данной **типической** ситуации **всякий и каждый**; вопрос об **обычной, стандартной, нормальной мере предвидения**, о мере предвидения **абстрактного, среднего человека, человека вообще**, а в коммерческом обороте - о мере предвидения **обычного абстрактного коммерсанта**. И такая точка зрения в статье В.А. Коротковой (на стр. 144) тоже присутствует в виде цитаты, взятой якобы из Курса торгового права Г.Ф. Шершеневича (цитаты, судя по всему, косвенной, поскольку она соответствует лишь тексту, изложенному на стр. 724 книги М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, но никак не произведению Г.Ф. Шершеневича): "...последствия незаконного действия, за которые действовавший отвечает, не могут идти дальше того, что **можно было предусмотреть в момент совершения действия на основании общежитейского опыта среднему разумному человеку**. Суд, оценивающий *ex post* происшедшее, должен стать на точку зрения *ex ante* и не предъявлять к человеку требования большей предусмотрительности, чем **та, на какую обыкновенно рассчитывает закон, обращающийся со своими угрозами к подчиненному ему населению**" <17>. Можно вспомнить и приведенные выше, совпадающие не только по сути, но кое-где и в словах цитаты М.М. Агаркова из учебников 1938 и 1944 гг. - в них речь идет о предвидимости "**с точки зрения нормального жизненного опыта**", о предвидимости как связи деяния с последствиями, которая "принадлежит... к типичным связям, **с которыми приходится считаться на практике**".

<17> Цит. по: Короткова В.А. [Указ. соч.](#) То, что цитата не соответствует первоисточнику авторства Г.Ф. Шершеневича, мы заключаем не только из полного совпадения указания на ее источник с указанием (неправильным!), имеющимся в книге М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, но и из того, что в данном "источнике" - первом томе четвертого издания Курса торгового права - цитируемого утверждения на самом деле не имеется. Правильная ссылка: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. III. М., 1912. С. 689.

В оправдание наших современников можем заметить лишь, что они не одиноки в этой своей путанице. Если оставить в стороне упомянутую уже [ст. 74](#) Венской конвенции, а обратиться к науке права, то нужно сказать, что почву для превращения вопроса о предвидимости в вопрос о вине еще в 1950 г. заложил такой классик нашего гражданского правоведения, как Л.А. Лунц, попытавшийся поспорить с предложенным М.М. Агарковым решением казуса с аномальной хрупкостью костей черепа.

Сперва он сформулировал совершенно правильный общий тезис о разграничении **причинной связи и вины** как **объективной** и **субъективной** стороны известной юридической ситуации: "...субъективный момент [вина] остается вне объективного отношения действия или бездействия человека к данному следствию: **когда мы ставим вопрос о том, какие изменения во внешнем мире вызваны - причинены - данным действием лица, мы отбрасываем субъективную сторону его поведения**" <18>. К сожалению, ученый не довел этого - совершенно не вызывающего какого-либо возражения - взгляда до конца. Оппонируя М.М. Агаркову, он нашел, что выделенный тем признак типичности причинной связи "по существу носит субъективистский характер: в конечном счете речь здесь идет о том, какая связь явлений **представляется обычной для сознания действующего лица или для сознания так называемого "среднего человека"**"; но подобные критерии относятся к проблеме вины, а не к проблеме причинной связи" <19>. Процитированный фрагмент - пожалуй, самый характерный в нашей литературе пример смешения объективной и субъективной точек зрения: между предвидением последствий деяния с точки зрения **данного конкретного правонарушителя** (определяемой уровнем его социального и психического развития, а также состоянием, в котором он совершал соответствующее действие) и предвидением **с абстрактной точки зрения обычного среднего человека** (закона и суда) для Л.А. Лунца, увы, нет никакой разницы. Принципиально соглашаясь с решением рассматриваемого казуса, Л.А. Лунц объяснял его принципиально иначе, чем М.М. Агарков: хлопнувший в шутку ладонью по лбу "действительно... не несет ответственности, так как он **не виновен: он не предвидел и с точки зрения "нормального жизненного опыта" не должен был предвидеть данный результат**. Но он несомненно **причинил** этот результат" <20>.

<18> Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 302.

<19> Там же. С. 303.

<20> Там же.

Конечно, если сводить объективную реальность к одним только внешне видимым телодвижениям, объяснение Л.А. Лунца верно. Но, во-первых, правильно ли такое сведение в принципе, а во-вторых, справедливо ли оно в полемике с М.М. Агарковым, который абсолютно точно и ясно развел вопрос об охвате последствий **сознанием действующего лица** (причинителя вреда) с вопросом об их предвидимости с точки зрения **нормального жизненного опыта, практики, сознания так называемого среднего человека**? Безусловно нет, ибо общественное сознание (в особенности нашедшее внешнее выражение в нормах законов, договоров, обычаев, в постановлениях судебной практики) - точно такой же элемент объективной реальности, как и телодвижения, с одной стороны, и сознание данного конкретного лица - с другой, которые представляют собой две совершенно разные вещи. Вопрос об осознании перспективы причинения вреда **его причинителем** (конкретным лицом) - это действительно вопрос о вине - субъективном психическом отношении **конкретного лица** к совершаемому **им конкретному деянию**. Но понятия "жизненного опыта, практики и сознания среднего человека" характеризуют совсем другое - **уровень представлений о характере взаимосвязи фактических обстоятельств известного рода (вида или типа), сформировавшийся и господствующий в известном обществе**. Если с точки зрения господствующих в обществе представлений (т.е. повседневной практики, жизненного опыта, сознания среднего (абстрактного) человека) легкий **шутливый шлепок человека по лбу** не влечет образования трещины в лобной кости, то, следовательно, произошедшее образование таковой в конкретном случае нужно считать следствием действия какого-то другого фактора, но не шлепка. В нашем примере этот фактор абсолютно очевиден - **врожденная аномальная хрупкость костей черепа конкретного лица** - именно это и есть причина образования трещины.

Какой бы смысл (объективный или субъективный) ни вкладывать в понятие **предвидимости**, оно не получает права на самостоятельное существование, оказываясь просто иным терминологическим обозначением либо вопроса о **причинно-следственной связи между противоправным деянием и его последствиями**, либо вопроса **об отношении конкретного лица к последствиям своего деяния, т.е. вопроса о его вине**.

Оба этих вопроса не только имеют право на существование и исследование, но и должны быть их предметами до тех, по крайней мере, пор, пока концепция состава гражданского правонарушения как общего правила об основании гражданско-правовой ответственности не обретет достойного преемника. Ровно до тех же пор понятие предвидимости убытков будет пребывать в своем текущем статусе серого кардинала и скромной рабочей лошади: не трубя о себе на каждом углу, напрямую не заявляя о себе даже в законе и ангельски снося разнообразные извращения собственной сути, исходящие от современных "деятели науки", оно еще долгое время будет служить пределом, характеризующим актуальность и уместность самой постановки вопроса о возмещении убытков.

REFERENCES

Abrosimova E.A. Substantive Aspect and Conflict of Laws as Elements of Foreseeability in Russian and Other Jurisdictions: A PhD Thesis in Law [Material'no-pravovoy i kollizionnyy aspekty kriteriya predvidimosti v prave Rossii i zarubezhnykh stran: Dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk]. Moscow, 2018. 225 p.

Abrosimova E.A. Substantive Aspect and Conflict of Laws as Elements of Foreseeability in Russian and Other Jurisdictions: A Summary of a PhD Thesis in Law [Material'no-pravovoy i kollizionnyy aspekty kriteriya predvidimosti v prave Rossii i zarubezhnykh stran: Avtoref. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk]. Moscow, 2018. 20 p.

Afanasyev D.V. International Commercial Arbitration at Russian Chamber of Industry and Commerce: Foreseeability of Loss as a Criterion in International Commerce [Praktika Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha pri TPP RF: kriteriy predvidimosti ubytkov pri mezhdunarodnoy kuple-prodazhe tovarov], in: Rozhkova, M.A. (ed.). Losses and Loss Recovery: Collected Papers [Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya: Sb. st.]. Moscow, 2006. P. 541 - 560.

Agarkov M.M. and Genkin D.M. (eds.). Civil Law: A Course Book. Vol. 1 [Grazhdanskoye pravo: Ucheb. T. 1]. Moscow, 1944. 419 p.

Antimonov B.S. Contract Liability in Socialist Organisations [Osnovaniya dogovornoy otvetstvennosti sotsialisticheskikh organizatsiy]. Moscow, 1962. 175 p.

Baybak V.V. Causal Connection as Condition for Contractual Liability: Comparison and Adjudication [Prichinnaya svyaz' kak usloviye dogovornoy otvetstvennosti: sravnitel'no-pravovoy ocherk]. Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF]. 2014. No. 6. P. 4 - 21.

Baybak V.V. Foreseeable Losses as a Limitation of Liability for Contract Breach [Predvidimost' ubytkov kak kriteriy ogranicheniya otvetstvennosti za narusheniye dogovora]. Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF]. 2009. No. 5. P. 54 - 69.

Braginskiy M.I. and Vitryanskiy V.V. Contract Law. Vol. 1: General Provisions [Dogovornoye pravo. Kn. 1. Obshchiye polozheniya]. Moscow, 2007. 847 p.

Fleyshits E.A. Obligations Arising from Injury and Unjust Enrichment [Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya]. Moscow, 1951. 239 p.

Ioffe O.S. Liability under Soviet Civil Law [Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu]. Leningrad, 1955. 308 p.

Kantorovich Ya.A. Fundamental Concepts of Civil Law [Osnovnyye idei grazhdanskogo prava]. Kharkov, 1928. 310 p.

Karapetov A.G. Economic Analysis of Law [Ekonomicheskiy analiz prava]. Moscow, 2016. 528 p.

Komarov A.S. Liability in Commercial Transactions [Otvetstvennost' v kommercheskom oborote]. Moscow, 1991. 208 p.

Korotkova V.A. Foreseeability of Contractual Damages [Predvidimost' dogovornykh ubytkov]. Herald of the Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF]. 2018. No. 1. P. 113 - 150.

Malein N.S. Asset Liability in Commercial Relationships [Imushchestvennaya otvetstvennost' v khozyaystvennykh otnosheniyakh]. Moscow, 1968. 207 p.

Matveev G.K. Direct and Consequential Losses [O pryamykh i kosvennykh ubytkakh]. Legal Studies [Pravovedeniye]. 1963. No. 2. P. 51 - 58.

Matveev G.K. Grounds for Liability under Civil Law [Osnovaniya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti]. Moscow, 1970. 312 p.

Mikolenko Ya.F. (ed.). Civil Law: A Course Book. Part 2 [Grazhdanskoye pravo: Ucheb. Ch. 2]. Moscow, 1938. 279 p.

Novitskiy I.B. and Lunts L.A. A Liability Doctrine [Obshcheye ucheniye ob obyazatel'stve]. Moscow, 1950. 412 p.

Serakov V.V. Historical Aspects of Foreseeability of Loss. A Relationship between Foreseeability under Article 74 of 1980 Vienna Convention and Judgment in Hadley v. Baxendale [Istoricheskiye aspekty predvidimosti ubytkov. Sootnosheniye predvidimosti ubytkov v st. 74 Venskoy konventsii 1980 g. i reshenii po delu Hadley v. Baxendale]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2012. No. 6. P. 289 - 301.

Shershenevich G.F. General Theory of Law. Iss. III [Obshchaya teoriya prava. Vyp. III]. Moscow, 1912. 805 p.

Tarkhov V.A. Liability under Soviet Civil Law [Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu]. Saratov, 1973. 456 p.

Venediktov A.V. Contract Discipline in Industrial Setting [Dogovornaya distsiplina v promyshlennosti]. Leningrad, 1935. 212 p.
